

УДК 82-3

doi: 10.18101/1994-0866-2017-6-171-177

К ВОПРОСУ О ДОКУМЕНТАЛЬНОСТИ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЫ И. А. КОДЗОЕВА

© *Гилёва Елена Феликсовна*

кандидат филологических наук,

Российский институт театрального искусства (ГИТИС)

Россия, 125009, г. Москва, Малый Кисловский пер., 6

E-mail: guilia1979@mail.ru

Исторические события середины XX в. — Великая Отечественная война и последовавшие за ней массовые репрессии — нашли отражение в литературе и впервые были описаны непосредственными участниками событий. Факты перестали быть достоянием только историков, расширив пространство художественности. В статье рассматривается проблема документальности русскоязычной прозы современного ингушского писателя И. А. Кодзоева. Сам автор утверждает, что все его произведения основаны на реальных фактах: свидетельства очевидцев или архивных документах. В сборнике рассказов и очерков «Над бездной» силен автобиографический фактор, в романе «Сулумбек Сагопшинский» автор опирается на архивные данные, в романе «Обвал» — на свидетельства очевидцев. При этом с помощью авторского домысла, а порой и вымысла в произведение вносится необходимая степень художественности, что позволяет относить произведения И. А. Кодзоева к художественной литературе.

Ключевые слова: И. Кодзоев; ингушская литература; литература народов России; документальная проза; художественная литература; вымысел; документ; нон-фикшн.

Активизация документа и факта в литературе народов России второй половины XX в. обусловлена важными для них историческими, политическими и социальными изменениями, повлекшими за собой перелом не только и не столько народного сознания, сколько самоощущения себя как отдельных народностей. Великая отечественная война и последовавшие за ней депортация и массовые репрессии не могли не найти отражения в художественном творчестве и, в частности, в литературе, так как непосредственные участники и очевидцы событий чувствовали своим долгом свидетельствовать о пережитом, они же и стали первыми, кто описал страшные моменты истории своих народов. Факты перестали быть достоянием только историков, расширив пространство художественности.

В дальнейшем эти события и факты могут стать и, как правило, становятся основой и для художественного вымысла, однако изначально они существовали в литературном пространстве именно как свидетельства очевидцев. Так, в XX в. появились произведения К. Д. Воробьева («Убиты под Москвой», «Это мы, Господи»), А. И. Солженицына («Один день Ивана Денисовича», «Архипелаг ГУЛАГ»), В. Т. Шаламова («Колымские рассказы»), которые, будучи основаны на письменных документах и свидетельствах

очевидцах, прочно вошли в пространство именно художественной литературы.

В связи этим в литературоведении встает вопрос о соотношении документальности и художественности в подобных текстах. Эта проблема разрабатывается в трудах многих ученых-литературоведов: Ю. В. Манна, Я. И. Явчуновского, В. В. Филипова, В. С. Муравьева, Е. Г. Местергази. Монография «Литература нон-фикшн/non-fiction: Экспериментальная энциклопедия» и докторская диссертация «Художественная словесность и реальность (документальное начало в отечественной литературе XX века)» Е. Г. Местергази представляют собой первый и очень удачный опыт обобщения и систематизации проблематики, связанной с феноменом документальной литературы, в современном отечественном литературоведении, и исследования вопросов документальности литературы невозможно без обращения к этим трудам. Под документом Е. Г. Местергази подразумевает «устное или письменное свидетельство о каких-либо исторических, т. е. действительно бывших, событиях, фактах; официальная бумага, подтверждающая подлинность, достоверность чего-либо» [5, с. 7].

Исследователь выделяет два типа свидетельств — устные и письменные, что является невероятно важным при исследовании произведений, основанных на фактах, и особенно при анализе творчества современного ингушского писателя Исы Аюбовича Кодзоева, открыто утверждающего, что его произведения строятся в большей степени на рассказах очевидцев, нежели на письменных документах, ведь основным предметом изображения в его романах стали переломные моменты истории ингушского народа, хотя, по мнению самого писателя, история ингушей — это постоянная борьба за место под солнцем, за право жить на земле отцов, за право быть ингушами.

Все три крупных русскоязычных произведения — роман «Обвал», сборник рассказов и очерков «Над бездной» и роман «Сулумбек Сагопшинский» — основаны на реальных фактах: воспоминаниях самого автора, свидетельствах очевидцев или архивных документах. Стоит заметить, что устные источники превалируют именно в русскоязычном творчестве ингушского писателя, тогда как, например, написанный на ингушском языке роман-эпопея «Галглай» («Ингуши») по большей части опирается на письменные документы, найденные автором в архивах.

Опора на действительные факты является своеобразным писательским кредо И. А. Кодзоева, так как, по его признанию, настоящая жизнь куда более интересна, чем вымысел. При этом автор не отрицает и того, что реальные факты истории послужили ему основой для творческой переработки и домысла. В связи с этим представляется необходимым выяснить соотношение документальности и вымысла в русскоязычных произведениях И. А. Кодзоева.

Сам писатель замечает, что соотношение правды и вымысла в его произведениях «пятьдесят на пятьдесят»: беря за основу рассказы очевидцев, зная факты и события, автор домисливает диалоги и монологи персонажей. Так, например, происходит в рассказе «Старик и могила» из романа «Обвал». Из рассказов родственников старика известна история его жизни и

смерти: перед самой депортацией старик сам вырыл себе могилу, в которую и упал, убитый «энкавэдэшником», но мысли старика, его воспоминания во время работы, и даже то, что он сам себе прочитал «Ясин» (1), — домысел автора.

В данном случае встает вопрос о вымысле и домысле как рожденной творческим воображением писателя художественной трансформации действительности. Если вымысел является фактически полной фикцией и строится только на фантазии автора, то домысел оказывается результатом его воображения, опирающимся на знание реальных фактов и творческую интуицию, позволяющую реконструировать ход событий и мыслей персонажа в деталях. Поэтому внутренний монолог старика, который сам себе готовит могилу, а также все сопутствующие этому процессу обстоятельства, детально выписанные И. А. Кодзоевым в рассказе «Старик и могила», являются авторским домыслом.

С другой стороны, романтические отношения абрека Сулумбека Сагопшинского — главного героя одноименного романа — и похищенной им дочери владикавказского промышленника Елены скорее можно называть вымыслом, так как никаких документальных свидетельств о женитьбе Сулумбека Горовожева (2) на дочери владикавказского промышленника нет, хотя, по заверению самого Кодзоева, существуют рассказы о похищении Сулумбеком дочери богатого владикавказского горожанина. Вводя в роман о жизни Сулумбека из Сагопши, «правой руки» знаменитого абрека Зелимхана Харачоевского, сюжет о любви между разбойником и девушкой из богатой и интеллигентной семьи, Кодзоев усиливает эмоциональный фон повествования, заставляет читателя больше сопереживать герою, раскрывая его лучшие человеческие качества.

Зачастую предметом изображения становятся события, непосредственно связанные со сложной судьбой самого писателя. Так, в сборник рассказов и очерков «Над бездной» включен «Казахстанский дневник» — случаи из жизни ингушей и чеченцев, депортированных в Казахстан в 1944 г. Небольшие рассказы и очерки «Казахстанского дневника», начатые юным писателем еще во время ссылки, являются не только наблюдениями самого И. А. Кодзоева, но и людей, переживших эти ужасные годы. «Неспецперселенец может и не поверить кое-чему, но, клянусь вам, сгущать краски я не собираюсь. Вымысла нет. Делаю свой рисунок с натуры» [2, с. 52], — замечает автор в своем предисловии к «Казахстанскому дневнику».

Сам дневник, который входит в сборник «Над бездной» особой частью с заглавием «Изгнанники», представляет собой небольшие рассказы из жизни депортированных в Казахстан вайнахов, ингушей и чеченцев. Рассказы располагаются вне какой-либо определенной последовательности. При этом, как и во многих других случаях, автор изменяет реальные имена персонажей, иногда и вовсе не называет имен, но оставляет неизменными факты. На страницах книги появляются ингушка, странствующая по степям Казахстана с трупом своего свекра, которого она не может похоронить; чечененок — единственный выживший из членов замерзшей в снежный буран семьи; смелый, благородный и добрый сердцем Тимур; «Ингушский Мцыри» —

мальчик, в одиночку вернувшийся на Родину во Владикавказ и умерший на руках у осетинки, и многие другие. В каждом небольшом рассказе — эпизод из жизни депортированных вайнахов, и вместе они создают объемную картину бытия спецпереселенцев. Помимо зарисовок из жизни соотечественников, в сборнике «Над бездной» нередки и автобиографические очерки жизни самого Кодзоева, потерявшего в депортации семью и оказавшегося в детском доме.

К «Казахстанскому дневнику» по тематике примыкают два рассказа «Степь, мальчик и девочка» и «Прощай, Вилли». И если автобиографичность первого из них в своем интервью нам И. А. Кодзоев подтвердил лично, то факты биографии героя, которые приводятся во втором, свидетельствуют, что за именем Байхака также скрывается сам Иса Аюбович.

В рассказе «Степь, мальчик и девочка» не приводится ни одного имени, а повествование ведется от третьего лица:

«Улица ревела, как голодный зверь. Мальчик увидел, что толпа бежит к школе, чтобы расправиться с детьми. ...Он схватил ружье и патронташ, выбрался через оконце на кровлю и по крыше побежал обгонять толпу. Догнал на повороте улицы. С колен произвел два выстрела.

— Назад! Всех убью! — раздался его зычный крик» [2, с. 133].

Сам И. А. Кодзоев оказался в депортации пятилетним ребенком, все члены его семьи — 11 человек — умерли в Казахстане, а он стал детдомовцем. Некоторые рассказы сборника «Над бездной» посвящены именно этому периоду его жизни. Таков и рассказ «Прощай, Вилли!». Это произведение является последним, повествующим о жизни спецпереселенцев в Казахстане, и посвящено событиям, ставшим переломными в жизни самого героя. Детдомовец Байхака, отомстив за смерть своего друга Вилли, возвращается на родину: «Поезд мчал его в сторону Отечества, из которого советская власть с помощью армии изгнала его тринадцать лет тому назад, когда шел-то ему всего шестой год. Родные остались лежать в чужой земле — одиннадцать человек. Он возвращается один» [2, с. 162]. Поскольку факты биографии героя рассказа в точности совпадают с биографией автора, можно предположить, что и эпизод мести ингушского парня за смерть своего друга также имеет реальную основу и взят из жизни самого Исы Кодзоева.

Полностью автобиографичными являются рассказы о четырехлетней ссылке в мордовский лагерь, где И. А. Кодзоев вместе со своим товарищем ингушским поэтом Али Хашагульговым познакомились с известными советскими диссидентами А. Синявским и Ю. Даниэлем. Об этих событиях в своих интервью И. А. Кодзоев рассказывает очень эмоционально, каждый раз пересказывая то, о чем написано в рассказах. Однако на вопрос, почему он не напишет еще рассказы о периоде ссылки, он отвечает, что не очень любит об этом говорить. Что касается одного из самых сильных рассказов сборника «Монолог дьявола», то, по признанию писателя, он был лично знаком с главным героем, ввел его в рассказ, лишь изменив имя и несколько заострив сам образ, что придало ему демоничности.

Кодзоев не скрывает того, что в его произведениях действуют реальные люди, и даже подчеркивает реальную основу повествования. В финале ро-

мана «Обвал» появляется образ студента, в котором легко угадывается сам автор. Студент заводит дружбу с бывшим абреком, получает тетрадь с записями одного из членов тоабы (отряда) и публикует их как часть своего романа о депортации. Сейчас Кодзоев прямо говорит о том, что специально собирал материалы, расспрашивал очевидцев, и большинство героев романа не являются вымышленными персонажами: с кем-то он был знаком лично, о ком-то расспросил у очевидцев. Интересна история двух стариков, героев рассказа «Час признания в любви»: «Они одни из мялхи (3) — людей солнца» (из нашего интервью с И. А. Кодзоевым. Июль 2015 г.). Сплоченность и воинственность, свойственные представителям этого народа, а также горское бесстрашие, возможно, и позволили двум старикам в течение целого дня отбиваться от отряда солдат НКВД:

«Бой внезапно стих. <...>

— Много их там было?

— Двое. Старик и старуха.

— Двое?! Только двое? — переспросил товарищ. — Двое, говоришь?

<...>

Они оглянулись вокруг — наступивших сумерках на снегу чернели тела убитых солдат. Их было так много!» [3, с. 32].

Отдельного внимания заслуживает обрамление романа, в котором действуют реальное историческое лицо нарком внутренних дел Лаврентий Берия и некий Курьер — засекреченный работник, связанный с Институтом тайных исследований. Эта часть — единственная во всем романе, не имеющая не только документальных подтверждений, но и рациональных доказательств существования подобного института, однако сам автор утверждает, что существует некий высший «Институт», в котором и творятся судьбы народов империи. «Это мой домысел, но я думаю, что это есть», — говорит автор (из нашего интервью с И. А. Кодзоевым. 26 июля 2016 г.).

Роман «Сулумбек Сагопшинский», в отличие от сборника «Над бездной» и романа «Обвал», описывает события, к которым автор не был причастен непосредственно. Он повествует о народном герое абреке Сулумбеке Горовожеве из села Сагопши, жившем на рубеже XIX–XX вв. По мнению автора, Сулумбек заслуживает отдельного внимания, так как о судьбе Зелимхана Харачоевского, соратником которого долгие годы был Сулумбек, написано много, тогда как о самом Сулумбеке, отличавшемся храбростью и стратегическим мышлением, не написано почти ничего. «Зелимхан был одухотворенный человек, а Сулумбек был таран, в бою был беспощаден. Все походы Зелимхана делались под руководством Сулумбека», — отметил Кодзоев (из нашего интервью 2016 г.).

Роман «Сулумбек Сагопшинский» заканчивается тем, что автор не только приводит документальные свидетельства из жизни Сулумбека, но и дает идущую от него родословную, с точностью указывая всех потомков героя. При этом совершенно ясно, да и сам автор подтверждает, что, основываясь на документах и рассказах потомков знаменитого абрека, он создавал художественный образ, домысливая некоторые события и нюансы его жизни.

Сам автор определяет метод написания своих произведений как реконструкцию прошлого. «Писатель собирает осколки и из этих осколков выстраивает прошлую жизнь», — сказал Кодзоев (из интервью 2016 г.). Ведь архивы, да и воспоминания современников фиксируют лишь наиболее важные события, тогда как в задачу автора входит воссоздание всей полноты жизни.

Итак, русскоязычные произведения И. А. Кодзоева «Обвал», «Над бездной» и «Сулумбек Сагопшинский» можно отнести к художественно-документальной прозе, так как они основаны на собственных впечатлениях автора от пережитых событий, свидетельствах очевидцев, а также архивных документах. Писатель создает произведения, уже ставшие классикой ингушской литературы, на основе действительных фактов ингушской истории. Однако с помощью авторского домысла, а порой и вымысла, в произведение вносится та необходимая степень художественности, которая и позволяет рассматривать произведения И. А. Кодзоева как художественные.

Примечания

1. Ясин — 36-я сура Корана, которую читают умирающему человеку.
2. Сулумбек — сын Горовожа из села Сагопши вошел в историю как абрек Сулумбек Сагопшинский.
3. Мялхи (мелхестинцы, мелхи) — горцы, жившие в высокогорных районах современной Чечни, Ингушетии и Грузии, которые до принятия ислама были огне- и солнцепоклонниками. Эти люди отличались особой сплоченностью и воинственностью.

Литература

1. Каспэ И. М. Когда говорят вещи: документ и документность в русской литературе 2000-х. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010. 48 с.
2. Кодзоев И. А. Над бездной: Рассказы, очерки. Назрань: Пилигрим, 2006.
3. Кодзоев И. А. Обвал. Роман [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=32266> (дата обращения: 18.03.2017).
4. Кодзоев И. А. Сулумбек Сагопшинский. Роман [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.bookmate.com/books/jKKLycU1> (дата обращения: 18.03.2017).
5. Местергази Е. Г. Литература нон-фикшн/non-fiction: экспериментальная энциклопедия: русская версия. М.: Совпадение, 2007. 325 с.
6. Тесля А. А. Документальная проза: проблема и история жанров [Электронный ресурс]. URL: <http://rummuseum.ru/portal/node/2620> (дата обращения: 18.03.2017).

TOWARDS DOCUMENTARY OF I. KODZOEV'S RUSSIAN-LANGUAGE PROSE

Elena F. Gileva

Cand. Sci. (Philol.),

Russian Institute of Theatre Arts (GITIS)

6 Maliy Kislovskiy Lane, Moscow 125009, Russia

The mid-20th century historical events such as World War II and the following mass repressions were reflected in the literature and described by their direct participants. Facts have ceased to belong to historians only and expanded the artistic space. The article deals with the problem of documentarism in the Russian-language prose by the modern Ingush writer I. Kodzoev. The author claims that all his works are based on the real facts: eyewitness accounts and archival documents. Autobiographical factor is impressive in the collection of short stories and essays "Above the Abyss". In the novel "Sulumbek Sagopshinsky" I. Kodzoev relies on archival data, and the novel "Collapse" is based on the eyewitness accounts. At the same time, the author, using guesses and sometimes fantasy, provide a necessary degree of artistry into the text, and it allows us to refer I. Kodzoev's texts to fiction.

Keywords: I. Kodzoev; Ingush literature; literature of the peoples of Russia; non-fiction; fiction; fantasy; documentarism.